

Къ характеристикѣ патріарха Гермогена¹⁾.

(Къ 300-лѣтію его кончины).

Въ исторической жизни народовъ есть эпохи, отмѣченныя особымъ подъемомъ національнаго чувства, торжествомъ народныхъ идеаловъ. Эти эпохи ознаменованы обыкновенно борьбой за самобытность націи, за ея свободное самоопредѣленіе, какъ живого органа человѣчества, какъ проявленіе индивидуальной исторической личности. Таковы греко-персидскія и пуническія войны, крестовые походы, столѣтняя война, гусситское и казацкія движенія XV—XVII вѣковъ.

Въ эти моменты духовнаго подъема націй историки наблюдаютъ нѣкоторыя общія явленія. Прежде всего, движеніе идетъ снизу, изъ темныхъ нѣдръ народности, обыкновенно стоящихъ внѣ активной исторической жизни. Боевая способность сохраненія накопленнаго вѣками обнаруживается съ особенной силой въ тѣ историческіе моменты, когда духовное богатство, собранное такъ старательно предками, подвергается опасности со стороны чужеземцевъ пришельцевъ-хищниковъ. Тогда во всей силѣ обнаруживаются могучіе задатки, лежащіе въ основѣ народности, обуславливающіе ея стойкость, жизненность и духовную мощь. Встаютъ самоотверженные Гуссы, Жижики, Иеронимы Пражскіе, Жанна д'Аркъ, Богданы Хмельницкіе, Минины и Пожарскіе. Какъ старые крестоносцы, рыцари добраго духовнаго подвига, какъ древніе Мильтіады и Темистоклы, они становятся во главѣ неорганизованныхъ народ-

¹⁾ Рѣчь, произнесенная въ Виленской 1-й гимназій 19 февраля 1912 г.

ныхъ массъ, и совершается нѣкоторое подобіе того, что мы съ полнымъ правомъ могли бы назвать чудомъ въ исторіи. Нарушается въ силу какихъ-то темныхъ, неизвѣданныхъ, причинъ правильный планомѣрный ходъ исторической жизни, на время какъ бы меркнетъ сила ума, прочность культуры, слабѣетъ установившійся укладъ государственной жизни передъ новыми грозными боевыми движеніями, которыя, однако, таятъ въ себѣ зародыши болѣе широкой исторической жизни. Можно сказать, что побѣждаетъ въ тяжелой роковой судьбѣ не умъ, не искусство, а энергія, сила воли, горячая преданность устоямъ народности. Передъ толпами вдохновенныхъ гусситовъ съ ихъ грознымъ народнымъ гимномъ въ ужасѣ разбѣгались огромныя стройныя рыцарскія ополченія, передъ дѣвой-крестьянкой во главѣ небольшого французскаго отряда отступаетъ испытанное въ бояхъ англійское войско, передъ рядами степняковъ-украинцевъ чувствуетъ себя слабымъ гордое войско Рѣчи Посполитой.

Этотъ подъемъ народнаго духа самъ по себѣ заслуживаетъ вниманія историка, но онъ особенно поучителенъ тамъ, гдѣ эта борьба затягивается, гдѣ приводятся въ движеніе силы обширной государственной территоріи, гдѣ подвергается опасности вѣковое государственное и народное строительство. Подобное явленіе наблюдается въ русской исторіи въ самомъ началѣ XVII вѣка въ эпоху такъ называемаго смутнаго времени, мѣтко названнаго русскимъ народомъ лихолѣтьемъ.

Эти годы кажущагося распада сѣверной великорусской народности, съ удивительной настойчивостью объединенной въ одно государственное цѣлое отдаленными потомками Іоанна Калиты, знаменательны, какъ поворотный моментъ въ исторіи нашего отечества. Они выносятъ наружу, на свѣтъ историческаго сознанія скрытые источники мощи, которымъ суждено было проявиться въ завидномъ блескѣ, въ теченіе послѣдующихъ двухъ съ половиною вѣковъ, вызвать къ жизни царя-преобразователя, Екатерину II съ ея завоеваніями, время Александра I, съ широкими задачами европейской политики, самобытную культуру, въ которой счастливо сочетались широкія вліянія европеизма и исконныя славянскія начала. Историки и писатели художники съ одинаковымъ интересомъ останавливаются на трудной годинѣ русской жизни, на историческомъ испытаніи, постигшемъ неокрѣпшее еще государство. Они слѣдятъ за тѣми проявленіями исторической жизни, въ которыхъ обнаруживаются поучительныя и наиболѣе цѣнныя свойства русскаго духа. Личности Ляпунова, Скопина-Шуйскаго, Діонисія и Палицына, Минина и Пожарскаго прекрасно характеризуютъ это время. „Раз-

громъ войны, пожары деревень, житье безъ крова, ночи безъ ночлега—вотъ какими чертами изображаетъ тяжелую годину лихолѣтя нашъ историческій драматургъ. Облитая кровью, усѣянная костями своихъ сыновъ по всему широкому простору, русская земля алкала своего избавителя. Этимъ избавителемъ явился русскій народъ и его скромные духовные вожди, люди глубокой, чистой вѣры, смиренія, безкорыстнаго подвига.

Свыше пятивѣковое духовное развитіе въ тиши монастырей, этихъ свѣточей религіозной культуры, въ простотѣ патриархальнаго уклада жизни наложило свой отпечатокъ на личность и судьбы великоросса, отдѣливъ его отъ южныхъ и западныхъ соплеменниковъ. Созданіе національнаго идеала, въ которомъ сочетаются начала религіозныя и государственныя, есть первый прочный камень самобытной культуры, которая дала первенство великороссу среди остальныхъ отраслей славянства и высоко поставила его въ міровой семьѣ народовъ, съ его полной цѣннхъ элементовъ грядущею литературой, въ его своеобразномъ искусствѣ, живыхъ сердечныхъ отзвукахъ собственной души и окружающаго міра. Беречь, лелѣять и хранить эти основные завѣты была призвана старая Нестеровская Русь съ ея духовными вождями. Въ числѣ ихъ видное мѣсто занимаетъ патриархъ Гермогенъ. Въ немъ, „начальномъ человѣкѣ“ родной земли, въ тяжелое, безгосударное время, воплотились лучшіе завѣты нашей старины. Глубоко религіозный съ оттѣнкомъ нетерпимости, нравственно-стойкій, напоминавшій по складу личности лучшихъ представителей русской духовной жизни въ лицѣ Θεодосія Печерскаго и выдающихся московскихъ митрополитовъ Петра, Алексѣя и Филиппа, онъ былъ проникнутъ тѣми стремленіями древнерусскаго идеализма, которыя сдѣлали его центральной личностью эпохи. Не на широкой аренѣ государственности отстаивалъ онъ родную народность. Въ смятенной Москвѣ, готовой сплотиться отъ послѣдняго представителя государственной власти, слабого Василя Шуйскаго, въ тѣсномъ заключеніи, во время столь же слабой семибоярщины, среди раздиравшихъ страну междоусобій, передъ которыми меркнуть смуты удѣльной системы, этотъ самоотверженный, убѣжденный мужъ неустрашимо берегъ и охранялъ наиболее дорогіе завѣты родной земли. По благословенію святѣйшаго патриарха велись переговоры съ польскимъ королемъ Сигизмундомъ объ умиротвореніи русской земли, по благословенію того же Гермогена вставали на защиту родной земли сѣверные города. Его дышавшія пламенной любовью къ родинѣ и вѣрѣ призывныя грамоты читались въ городахъ верхняго Поволжья и Понизовья, въ Вологдѣ и Тотъмѣ, Устюгѣ и Перми, въ отдаленныхъ мѣстахъ Сибири.

Гермогенъ явился для русскихъ людей лихолѣтя эмблемой объединенія родной земли, тѣмъ крѣпкимъ началомъ государственности, которое явилось созидательнымъ элементомъ и въ выработкѣ племенныхъ особенностей великорусса и въ многолѣтней его борьбѣ за преобладаніе на Востокѣ. Нельзя видѣть въ Гермогенѣ исключительно защитника вѣры. Нужно вспомнить значеніе, которое имѣли московскіе митрополиты еще до сверженія татарскаго ига, когда государственное начало не достигло высоты самоопредѣленія, даннаго ему правленіемъ Василія III и обоихъ Іоанновъ. Эпоха Грознаго, оставившая яркій слѣдъ въ народной литературѣ, должна быть разсматриваема, какъ завершеніе вѣкового государственнаго строительства. Завоеванія царя на Востокѣ, распространеніе русскаго владычества за Каменнымъ поясомъ въ отдаленной Сибири, твердый оплотъ на западѣ по линіи Пскова, Смоленска и сѣверскихъ городовъ знаменовали территоріальное единство русской земли. Въ связи съ этимъ создается и крѣпнетъ теорія не только общерусскаго, но и, такъ сказать, вселенскаго значенія Московскаго государста, идея третьяго Рима, создавшаяся на религіозно-исторической почвѣ. Представители духовенства были ближайшими и наиболѣе ревностными поборниками этихъ воззрѣній, въ которыхъ византійскіе элементы сочетались съ національно-русскими. Теорія придавала устойчивость борьбѣ; она объединяла и усиливала значеніе тѣхъ внѣшнихъ побужденій самообороны, которыми богаты страницы смутнаго времени. Не только за неприкосновенность вѣры, но и за единство земли боролись представители духовнаго сословія, наравнѣ съ земскими людьми, горожанами, купцами и міромъ чернаго крестьянства. Эти устои народности нашли себѣ вождя въ патриархѣ. Для всего русскаго сѣвера, какъ и для Троицкой лавры, явившейся не только религіознымъ, но и политическимъ центромъ этой народной борьбы, авторитетный голосъ Гермогена будилъ наиболѣе живыя и устойчивыя стремленія народности. И Гермогенъ въ этомъ отношеніи стоялъ на завидной исторической высотѣ. Онъ вписалъ свое имя въ почетный мартирологъ борцовъ и страдальцевъ за родную землю. Онъ былъ твердъ предъ лицомъ смерти, не страшился угрозъ, не шелъ на компромиссы, оставаясь вѣренъ долгу печальника земли и пастыря. Историки единогласно отмѣчаютъ высоту его нравственной личности. Соловьевъ говоритъ, что „патриархъ былъ челоуѣкъ съ твердымъ характеромъ, готовый страдать за свои убѣжденія, за правду и неприкосновенность ввѣреннаго ему дѣла; такимъ образомъ патриархъ по природѣ своей былъ совершенно въ уровень своему высокому положенію въ бурное смутное время“. Онъ же называетъ Гермогена блюстителемъ вѣры.

Костомаровъ отмѣчаетъ въ патріархѣ „суровый и дѣятельный характеръ“; по словамъ этого историка Гермогенъ „былъ человекъ прямой, честный, непоколебимый, свято служившій своимъ убѣжденіямъ, а не личнымъ цѣлямъ“. Последнія для него не существовали вовсе. Вся жизнь этого народнаго бойца, этого богатыря духа была направлена къ благу родины. Его ранніе годы жизни неизвѣстны. Исторія застаётъ его казанскимъ митрополитомъ. Здѣсь Гермогенъ прилагаетъ всѣ усилія, чтобы сохранить въ чистотѣ лучшіе завѣты православія среди пестраго инородческаго населенія. Въ немъ проявляется необходимая твердость и проницательность. Казань была крайнимъ пунктомъ сѣверо-востока, откуда должно было шириться и крѣпнуть русское вліяніе на отдаленныя окраины Приуралья и сосѣдней Сибири. Потомъ мы видимъ Гермогена въ Москвѣ, въ короткое царствованіе перваго Дмитрія, видимъ защитникомъ народности и вѣры. Онъ вмѣстѣ съ немногими іерархами и духовными лицами поднялъ голосъ противъ двусмысленнаго въ религіозномъ отношеніи поведенія жены перваго самозванца Марины Мнишекъ. Суровый блюститель благочестія былъ сосланъ въ свою епархію. Уже и тогда авторитетъ его былъ такъ великъ, что Гермогенъ былъ избранъ патріархомъ, въ началѣ царствованія Василя Шуйскаго. Отнынѣ начинается его роль, какъ защитника государственнаго строя, радѣльца за единство и безопасность родной земли. Избраніе на царство Василя Шуйскаго нельзя было признать удачнымъ. Эта историческая личность нашла себѣ оцѣнку и на страницахъ современныхъ ей источниковъ, и въ научной исторіографіи, и въ художественной литературѣ. Всѣ сходятся въ томъ, что это былъ человекъ дюжинный, бояринъ до мозга костей, личность стараго закала, недовѣрчивая и подозрительная. Естественно, что прямой и открытый характеръ патріарха не могъ прійтись по нраву новому царю, а патріархъ не любилъ царя, говорилъ ему въ глаза правду. Духъ дѣятельный, человекъ долга и нравственной инициативы, Гермогенъ не могъ идти окольными путями, не могъ выжидать благопріятнаго исхода событій, какъ это дѣлалъ Шуйскій. Но въ Шуйскомъ Гермогенъ уважалъ представителя царской власти, видѣлъ въ немъ тотъ стягъ, возлѣ котораго въ годину общественныхъ бѣдъ и государственной разрухи могли соединиться вѣрные государству и народности элементы. И во все время короткаго, но бурнаго царствованія Василя патріархъ былъ его вѣрнымъ союзникомъ, защитникомъ значенія Москвы, которая, по его выраженію, „всегда указывала всѣмъ городамъ“. Гермогену обязанъ Шуйскій и извѣстною продолжительностью своего царствованія. Патріархъ умѣлъ давать отпоръ крамолѣ, за-

говорамъ, лишая ихъ необходимой народной поддержки. Двусмысленная рѣчь Шуйскаго въ отношеніи его славнаго и даровитаго племянника, его неумѣнье сойтись съ лучшимъ человѣкомъ земли Ляпуновымъ подготовило его паденіе, котораго не могъ уже предотвратить и авторитетъ Гермогена. Послѣ низложенія Шуйскаго начинается самый тяжелый періодъ лихолѣтья.

Поднимаютъ голову антигосударственные элементы, олицетворяемые многочисленной и буйной казацкой вольницей, терзаютъ родную землю разные Сапѣги и Лисовскіе, угрожаютъ цѣлости государства недавніе союзники шведы, надвигается съ запада многочисленное войско Сигизмунда; трагизмъ эпохи выражается тяжелой борьбой подъ стѣнами Смоленска, этого западнаго оплота русской земли. И въ это тяжелое время, которое современный лѣтописецъ считаетъ чѣмъ-то въ родѣ апокалипсическихъ ужасовъ, лютымъ временемъ Божія гнѣва, какого не бывало отъ сотворенія міра, Гермогенъ одинъ стоялъ на стражѣ народныхъ интересовъ. Чуть не вся русская земля опустѣла, по краснорѣчивому свидѣтельству лѣтописца.

Но патриархъ вѣрилъ въ силы родного народа. По его призыву поднялось первое освободительное движеніе.

Ему предшествовала глухая борьба Гермогена съ поляками и ихъ русскими приверженцами въ родѣ извѣстнаго противника патриарха Михайлы Салтыкова, пріобрѣвшаго извѣстность человѣка, проклятаго патриархомъ за измѣну.

Стойкость Гермогена въ отстаиваніи интересовъ родины, въ вопросѣ объ избраніи на царство Владислава показываетъ его принципиальность и пониманіе государственныхъ интересовъ, особенно если мы вспомнимъ современную намъ Болгарію, гдѣ вопросъ о вѣроисповѣданіи главы государства является одной изъ основныхъ статей конституціи. Гермогенъ продолжалъ въ стѣнахъ Москвы борьбу съ боярствомъ, забывшимъ объ интересахъ родной земли. Онъ взывалъ къ гуманности и христіанскимъ чувствамъ фанатическаго Сигизмунда III, этого Филиппа II славянщины, во имя мира и національнаго чувства „неисчетныхъ“ народовъ, населявшихъ восточныя отъ Польши земли. Но главная вѣра его была въ народныя силы. „Сѣмя народнаго возстанія, брошенное рукою доблестнаго патриарха, разрослось“, говоритъ историкъ смутнаго времени. Изъ своей московской темницы въ Чудовомъ монастырѣ Гермогенъ благословлялъ подвиги Ляпунова. Еще раньше патриархъ проявилъ необыкновенную твердость и стойкость въ оборонѣ интересовъ государства. Его знаменитая слова, сказанныя Салтыкову 5 декабря 1610 г. и въ мартѣ 1611 года, облетѣли русскую

землю и стали достояніемъ исторіи. „Вы мнѣ обѣщаете злую смерть, говорилъ страдалецъ боярамъ, а я надѣюсь черезъ нее получить вѣнецъ и давно желаю пострадать за правду“. Его смерть, предполагають, отъ голода, не дала ему возможности видѣть торжество ополченія Минина и Пожарскаго, но духъ благороднаго страдальца за родную землю былъ съ этими людьми. Во имя блага земли могъ примириться въ трудную годину и съ врагами Гермогенъ, если видѣлъ съ ихъ стороны желаніе быть справедливыми въ отношеніи ея интересовъ. Это снимаетъ съ него обвиненіе въ узкомъ націонализмѣ, которое налагають на него односторонніе и пристрастные польскіе историки, современные и новѣйшіе. Свѣтлый умъ, нравственная стойкость и пламенная любовь къ родной землѣ дали ему силу довести до конца свой подвигъ, умереть спокойно, сохранивъ вѣру въ неумиращую мощь и историческую живучесть родного народа.

Въ памяти современниковъ образъ Гермогена стоялъ высоко „Патріархъ Гермогенъ, говоритъ историкъ Соловьевъ, вообще является въ лучезарномъ блескѣ, а самый блескъ этотъ препятствуетъ различать отдѣльныя черты въ образѣ; только предатель-хронографъ нашептываетъ слова, нарушающія общее впечатлѣніе“. Съ этимъ отзывомъ наиболѣе объективнаго и серьезнаго изъ нашихъ выдающихся историковъ необходимо считаться. Даже незначительные для такой выдающейся личности слабости и диссонансы разсматриваются у Соловьева, какъ черты, облекающія нѣкоторой дымкой этотъ чистый и незапятнанный образъ. Но и самыя указанія хронографа важны для насъ; они отмѣчаютъ неизбѣжныя для всякаго историческаго дѣятеля препоны чисто личнаго характера, не дававшія возможности недюжиннымъ силамъ развернуться во всей полнотѣ и блескѣ. Мы не должны забывать, въ какую трудную эпоху пришлось дѣйствовать Гермогену. У всѣхъ людей смутнаго времени, кромѣ развѣ одного Скопина-Шуйскаго, были эти тѣневныя стороны; отъ нихъ не свободны ни Ляпуновъ, ни Пожарскій, ни Палицынъ, лучшіе люди лихолѣтя. Отъ неизмѣримо большихъ слабостей и дефектовъ не свободны такіе богатыри русскаго духа, какъ Никонъ и Петръ Великій. Въ свѣтлой и чистой личности Гермогена эти незначительныя слабости, имѣющія отношеніе преимущественно къ умѣнью различать людей, поддаваться вліянію окружающихъ, съ почетомъ заслоняются высокими душевными свойствами, безстрашіемъ, чувствомъ долга, пламенною любовью къ родинѣ. Эти высшія свойства даютъ Гермогену почетное мѣсто на страницахъ нашей исторіи. Пути, по которымъ шелъ Гермогенъ, привели къ торжеству народности и обезпечили ей широкое и сво-

бодное развитіе. И для послѣдующихъ русскихъ поколѣній, доколѣ живы русское чувство и русское слово, величавый, осѣненный ореоломъ страданія, образъ патріарха Гермогена будетъ лучшимъ за вѣтомъ старой допетровской Руси, призывающимъ къ бодрой работѣ для блага родной земли въ годину государственныхъ и общественныхъ неурядицъ.

Адр. Круковскій.

